

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-206-211

Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.

ЧУМАКОВ Руслан Хамзатович,

Аспирант Всероссийская академия внешней торговли (ВАВТ), международно-правовой факультет (МПФ), направление «Юриспруденция»,

e-mail: muxamm12m@gmail.com

ФУНКЦИЯ «МЯГКОГО» ПРАВА КАК ИНСТРУМЕНТА НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РАМКАХ МЕЖДУНАРОДНОЙ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. В настоящей статье представлен анализ концептуального значения рекомендательных международных актов как в российской, так и в зарубежной международно-правовой доктрине. Более того, внимание уделяется исследованию сущности международных финансовых стандартов как составной части «мягкого» права и их влиянию на функционирование международной финансовой системы. В статье подчеркивается, что международное «мягкое» право является гибким и адаптивным механизмом, который позволяет государствам, несмотря на различия в национальных правовых традициях и экономических условиях, находить консенсус по актуальным вопросам финансовой политики.

Ключевые слова: глобальное неправовая подсистема, международное «мягкое» право, международная финансовая система, международные финансовые организации, международные финансовые стандарты.

CHUMAKOV Ruslan Khamzatovich,

Graduate student of the All-Russian Academy of Foreign Trade (VAVT), International Law Faculty (MPF), direction "Jurisprudence"

THE FUNCTION OF SOFT LAW AS A REGULATORY INSTRUMENT IN THE INTERNATIONAL FINANCIAL SYSTEM

Annotation. This article presents an analysis of the conceptual significance of soft international acts in both Russian and foreign international legal doctrine. Moreover, attention is paid to the study of the essence of international financial standards as an integral part of soft law and their impact on the functioning of the international financial system. The article emphasizes that international soft law is a flexible and adaptive mechanism that allows states, despite differences in national legal traditions and economic conditions, to find consensus on topical issues of financial policy.

Key words: global non-legal subsystem, international soft law, international financial system, international financial organizations, international financial standards.

В рамках глобальной международной системы функционирует всеобъемлющая нормативная система, выполняющая роль регулятивного каркаса для отношений, разворачивающихся на международной арене. Настоящая глобальная нормативная система, в свою очередь, подразделяется на две взаимосвязанные подсистемы: правовую и неправовую, пребывающие в состоянии диалектического единства [7, с. 6]. Международные правовые и неправовые регуляторы охватывают спектр разнородных международных отношений. Исторически массив правовых норм превышал

по своему объему и значимости неправовые, однако современная практика демонстрирует стремительный рост роли рекомендательных норм как международных регуляторов, особенно в сфере международных финансовых отношений, являющихся составной частью более широких международных экономических отношений.

Относительно природы международно-правовой системы, представляющей собой совокупность нормативных предписаний, воплощенных в международно-правовых источниках, зафиксированных Статутом Международного Суда ООН [8], в доктрине нет существенных разногласий. Однако

сущность международной неправовой системы, объединяющей нормы неправового характера, или так называемые акты международного «мягкого» права (soft law), продолжает оставаться предметом научных дискуссий, поскольку отсутствует единство в понимании данного феномена в рамках терминологического аппарата международно-правовой доктрины. В этой связи представляется целесообразным прежде всего уточнить, что именно понимается под международным «мягким» правом в отечественной и зарубежной доктринах. Затем необходимо выявить причины существования рекомендательных норм в международной среде. В завершение следует рассмотреть, каким образом международные рекомендательные нормы воздействуют на международную финансовую систему, а также в каких специфических формах они находят свое выражение.

Как было отмечено ранее, единая концепция «мягкого права» пребывает на стадии своего становления [3, с. 73]; тем не менее, труды российских правоведов уже формируют целостное представление о природе международных рекомендательных норм. Так, В.М. Шумилов определяет акты «мягкого» права как особую категорию международных политических норм, которые, будучи зафиксированными в письменной форме в различных документах, включая акты международных и параорганизаций, не обладают юридической силой и не имеют соответствующего международно-правового механизма защиты. По мнению правоведа, акты «мягкого» права не подменяют собой нормы международного права, а выступают в качестве предпосылки для их дальнейшего формирования [9, с. 47]. Сходная точка зрения прослеживается в трудах известного отечественного правоведа И.И. Лукашука, посвященных данной проблематике. Между тем ученый, развивая концепцию «мягкого права», дифференцирует его на два вида: а) особые виды международно-правовых норм, содержащиеся в международных договорах, которые не порождают конкретных прав и обязанностей, но задают общую обязательную установку; б) неправовые международные нормы, фиксируемые в актах неюридического характера, таких как резолюции международных организаций и их органов, и т.п. Правовед также придерживается вышеуказанной точки зрения, согласно которой нормы «мягкого» права нередко выполняют функцию предварительного, доправового регулирования [4, с. 138-139].

В зарубежной международно-правовой доктрине также отсутствует единое мнение относительно содержания категории «международное мягкое право» [11, с. 11;

14, с. 37; 17, с. 21-23]. Данный тезис находит подтверждение в высказывании известного юриста-международника, бывшего председателя Международного Суда ООН Р.Ю. Дженнингса: «Я бы не признал международную норму, даже если бы встретил ее воочию» [11, с. 8]. Тем не менее в современной зарубежной правовой мысли данным термином, как правило, обозначаются такие международные акты, как декларации, руководящие принципы, своды правил и рекомендации, которые, по замыслу их создателей, не обладают юридической силой, однако выражают политическую волю и направлены на продвижение определенных норм. Рекомендательные нормы наиболее часто встречаются в относительно новых и недостаточно разработанных отраслях международного права, в частности в международном экономическом праве [12, с. 32; 15, с. 40-43]. Более широкое определение международного «мягкого» права, предлагаемое зарубежными правоведами, охватывает совокупность документов, принимаемых международными организациями и не обладающих статусом юридически обязательных, а также отдельные положения международных договоров, в которых не детализированы права и обязанности их участников [17, с. 95-110]. Подобно российским специалистам, зарубежные исследователи единодушны в признании значимости рекомендательных актов, которые сосуществуют с международными правовыми нормами, известными как нормы «твердого права» (hard law), органично дополняют их и потенциально способны инкорпорироваться в состав международного обычного права, тем самым упрочивая глобальную нормативную систему [13, с. 336-337; 14, с. 45].

Резюмируя вышесказанное, можно констатировать, что международные рекомендательные нормы представляют собой инструменты неправового характера, не обладающие прямо выраженной юридической силой. Однако, при всей своей необязательности, они воплощают согласованную политическую волю государств и обладают ярко выраженным нормативным, регулятивным потенциалом. В структуре международной нормативной системы данные нормы существуют в гармоничном единстве с императивными правовыми предписаниями, нередко трансформируясь в них и тем самым обретая полноценное юридическое значение.

В международно-правовой литературе выделяются различные причины существования неправовых международных актов. Однако, по нашему убеждению, можно обозначить четыре наиболее значимые из них. Первая

и основополагающая причина дихотомии глобальной нормативной системы заключается в особенностях согласования государствами целей, направленных на регулирование их действий в сфере международной политики [4, с. 152]. Поскольку цель во многом определяет характер средств, всякая международная норма представляет собой результат согласования воли первичных субъектов международного права, то есть государств. В свою очередь, подход, основанный на «жестком» регулировании межгосударственных отношений, как правило, требует от государств значительных уступок в вопросах суверенитета. В этой связи для государства более предпочтительным является установление «мягкого» регулирования. По этой причине в последние десятилетия в мире возникли трудности, связанные с заключением многосторонних международных соглашений, и сформировался пласт регуляторов, не подпадающих под обязательное исполнение. Данная идея также подтверждается тем, что в доктринальном пространстве бытует мнение, согласно которому распространение «мягкого» права является частью политики «деформализации» источников международного права [14, с. 16]. Иными словами, международные индикативные нормы представляют собой потенциальный инструмент для уклонения от установления договорных обязательств в международном пространстве.

Вторая причина коренится в том, что в ряде сфер международных отношений установление императивного правового регулирования сопряжено с объективными трудностями. Это объясняется ярко выраженным публичным характером определенных межгосударственных отношений и, как следствие, доминирующей ролью государственного суверенитета, который определяет границы допустимого вмешательства и согласования воли. К числу таких областей относится, в частности, международные финансовые отношения, где столкновение национальных интересов с необходимостью унификации международных правовых стандартов порождает сложную систему компромиссов, балансирующую между суверенной волей государств и потребностями глобальной финансовой архитектуры [5, с. 158]. Поэтому в подобных областях было принято множество важных, однако не имеющих обязательной юридической силы документов.

К третьей причине следует отнести усиление правосубъектности международных межправительственных организаций, возведенное до формы, близкой к объективной правосубъектности, а также укрепление

позиций международных неправительственных организаций и параорганизаций таких, как Парижский и Лондонский клубы кредиторов, «Большая двадцатка» (G20) и иные аналогичные структуры. Более того, в последнее время трансформации, происходящие в международной сфере, ставят под обоснованное сомнение традиционное представление о государствах как о единственных творцах международного права [14, с. 3]. В современных условиях международные организации все более отчетливо обретают черты «квазисуверенных» субъектов, оказывающих активное влияние на формирование и развитие международной нормативной системы, что находит свое подтверждение в судебной практике [14, с. 72]. Последняя причина коренится в имманентных свойствах «мягкого» права, которые наделяют его рядом неоспоримых преимуществ перед «жестким» правом: гибкостью, адаптивностью и способностью выступать пространством апробации альтернативных политических решений [13, с. 336].

Определив природу международных актов «мягкого» права, обратимся к анализу их воздействия на глобальную финансовую систему. Под международной финансовой системой понимается публичное пространство, в котором осуществляется трансграничное движение финансовых потоков. Вместе с тем международная финансовая система является частью более крупной международной экономической системы, а ее регулятивную основу составляют два взаимосвязанных блока: правовой, включающий нормы национального (внутригосударственного) и международного права, и неправовой, формируемый преимущественно решениями международных финансовых организаций [10, с. 391-398]. Причина двойственности нормативной базы МФС заключается, с одной стороны, в ярко выраженном публичном характере финансовых отношений, что затрудняет установление универсальных императивных норм в международном пространстве [6, с. 43-44]; с другой стороны, в политике либерализации международной торговли финансовыми услугами и принципе субсидиарности регулирования финансовых отношений, благодаря которым в формировании финансовых регуляторов участвуют также неправительственные (межведомственные) институты, не обладающие однозначным правовым статусом. Следовательно, решения, достигнутые в рамках таких структур, носят необязательный, «мягко-правовой» характер [1, с. 32; 18, с. 175]. Хотя международные неправительственные организации не являются субъектами международного права в целом и международного финансового права в частности,

а потому не могут выступать в качестве «творцов» международных правовых норм, они, тем не менее, оказывают немаловажное влияние на различные аспекты международного финансового права. Так, подобные организации зачастую принимают участие – пусть и косвенное, опосредованное – в процессе формирования норм международного финансового права [10, с. 199].

Таким образом, в рамках финансовой нормативной системы условно выделяются две регулятивные подсистемы: «жестко-правовая» и «мягкоправовая». Ко второй подсистеме относятся многообразные кодексы поведения, образцы наилучшей практики, основополагающие принципы, руководства, рекомендации и инструкции, объединяемые единым понятием «международные финансовые стандарты» (МФС). Разработка указанных стандартов осуществляется 11 основными международными финансовыми регуляторами по различным группам финансовых отношений, включая банковские услуги, выпуск ценных бумаг, отдельные вопросы налогообложения и иные сферы. Соблюдение МФС стимулируется и подлежит совместному контролю со стороны Международного валютного фонда и Всемирного банка [3, с. 78].

К примеру, одним из ключевых международных органов финансовой стандартизации выступает Базельский комитет по банковскому надзору (БКБН), признанный наиболее авторитетной инстанцией в сфере банковского надзора, устанавливающей единые стандарты пруденциального регулирования банковской деятельности. В рамках БКБН были разработаны документы, которые условно подразделяются на два основных международных финансовых стандарта. Первый из них определяет основу для повышения устойчивости банков и прошел три последовательные редакции; последняя известна как Базель III [2]. Второй стандарт включает 29 принципов эффективного банковского надзора, обязательных к соблюдению всеми национальными органами банковского надзора в целях надлежащего выполнения их задач по поддержанию финансовой стабильности в соответствующих юрисдикциях. Все упомянутые стандарты БКБН представляют собой глобальные пруденциальные финансовые нормы, не обладающие обязательной юридической силой, однако оказывающие существенное влияние на мировую экономику. Немаловажно отметить, что благодаря присущей им адаптивности такие стандарты, являясь проявлением «мягкого» права, нередко корректируются посредством введения новых уровней и показателей соответствия в ответ на критику и изменения экономической ситуации, что, несомненно, можно отнести к их

преимуществу.

К числу важных международных органов финансовой стандартизации также относятся Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и Международная организация комиссий по ценным бумагам (ИОСКО). В рамках инициатив ОЭСР разрабатываются принципиальные решения в сфере международного налогообложения, в первую очередь направленные на противодействие уклонению от уплаты налогов транснациональными корпорациями. В свою очередь, ИОСКО, выступая в качестве глобального надзорного органа за соблюдением законодательства о ценных бумагах, осуществляет разработку, внедрение и контроль за исполнением стандартов регулирования фондового рынка. Известным стандартом данной организации остается документ «Цели и принципы регулирования рынка ценных бумаг», принятый в 2003 года [1, с. 221].

Резюмируя вышесказанное, можно констатировать, что глобальная финансовая система обладает уникальными свойствами, среди которых – отчетливо выраженный публичный характер финансовых отношений, признанная либеральная политика международных финансово-торговых отношений и принцип субсидиарности источников финансового регулирования. Совокупность указанных особенностей, на наш взгляд, обусловила возникновение потребности в альтернативных инструментах регулирования международных финансовых отношений. В качестве такой альтернативы выступили решения международных финансовых организаций, или акты «мягкого» права, которые находят выражение в многообразных формальных ипостасях: от резолюций до кодексов поведения, образцов наилучшей практики, основополагающих принципов, руководств, рекомендаций, инструкций и т.п. Все перечисленные акты объединены единым понятием «международные финансовые стандарты» и, по мнению многих авторов, составляют важнейшую часть так называемой глобальной финансовой архитектуры, а также международного экономического правопорядка в целом, практически приобретая статус новых источников международного финансового права [1, с. 205; 16, с. 5].

В ходе проведенного исследования мы пришли к следующим выводам:

Международный нормативный инструментарий отличается широким разнообразием: помимо общепризнанных правовых норм существует обширный массив иных инструментов, не налагающих прямых обязательств на всех участников международных

отношений. В доктрине подобные инструменты принято обозначать термином «мягкое право»; они несут в себе морально-политические установки и фактически образуют глобальную неправовую подсистему, находящуюся в тесном взаимодействии с правовой системой.

Отсутствие обязательной юридической силы несколько не умаляет значимости подобных актов, ибо их предназначение состоит в создании концентрических пространств для выработки и интерпретации нормативных предписаний.

Особая роль актов «мягкого» права проявляется в международных финансовых отношениях, что обусловлено сложностью самой международной финансовой системы. Субъектами, издающими рекомендательные международные финансовые нормы, выступают международные организации различной организационно-правовой формы: межправительственные, неправительственные и параорганизации. Совокупность актов таких организаций образует международные финансовые стандарты, оказывающие влияние на всю глобальную финансовую архитектуру и признаваемые многими правоведами в качестве новых (субсидиарных) источников международного финансового права.

Аллегорически международные мягкие нормы можно представить, как семена, в которых заключена политическая воля государств и которые посеяны в эпистемических пространствах; впоследствии они способны трансформироваться в эффективный правовой инструмент регулирования отдельных сфер международных отношений.

Список литературы:

[1] Актуальные проблемы международного финансового права: учебное пособие / под ред. С.Г. Павликова. – М.: ИНФРА-М, 2022. – 322 с.

[2] Банк международных расчетов (БМР) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.bis.org/>.

[3] Кудряшов В.В. «Мягкое право» как метод регулирования международных финансовых отношений в зарубежной доктрине международного финансового права // Московский журнал международного права. – 2013. – С. 70-89.

[4] Лукашук И.И. Международное право. Общая часть: учебник для вузов. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 432 с.

[5] Международное экономическое право: учебное пособие / под ред. А.Н. Вылегжанина. – М.: Кнорус, 2021. – 272 с.

[6] Петрова Г.В. Международное финансовое право: учебник для вузов / Г. В. Петрова. – М.: Юрайт, 2025. – 319 с.

[7] Прогнозы развития международного экономического права и международного правопорядка в XXI веке: монография / под ред. В.М. Шумилова. – М.: ВАСИ, 2026. – 163 с.

[8] Статут Международного Суда ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/statute-of-the-international-court-of-justice>.

[9] Шумилов В.М. Международное право: учебник. – М.: Юстиция, 2026. – 528 с.

[10] Шумилов В.М. Международное экономическое право: учебник / под общ. ред. В.М. Шумилова. – М.: Юстиция, 2021. – 582 с.

[11] Aust A. Handbook of International Law. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 592 pp.

[12] Choukroune L., Nedumpara J.J. International Economic Law. Text, Cases and Materials. – Cambridge: Cambridge University Press, 2021. – 846 pp.

[13] Chaisse J., Lin T. International Economic Law and Governance. Essays in Honour of Mitsuo Matsushita. – Oxford: Oxford University Press, 2016. – 624 pp.

[14] Emeziem C. Soft International Economic Law: A New Sovereign? // University of Bologna Law Review. – 2025. – Vol. 10. – №1. – P. 35-92.

[15] Klabbers J. International Law. – Cambridge: Cambridge University Press, 2021. – 412 pp.

[16] Lifshits I., Ponamorenko V. International Financial Standards in the Global Legal Order and in EU and EAEU Law // Russian Law Journal. – 2020. – Vol. 8. – № 1. – P. 4-31.

[17] Shaw M.N. International Law. – Cambridge: Cambridge University Press, 2021. – 1308 pp.

[18] Zaring D. Legal Obligation in International Law and International Finance // Cornell International Law Journal. – 2015. – Vol. 48. – № 1. – P. 175-217.

References:

[1] Actual problems of international financial law: a textbook/ed. S.G. Pavlikov. - M.: INFRA-M, 2022. - 322 s.

[2] Bank for International Settlements (BIS) [Electronic Resource]. - Access mode: URL: <https://www.bis.org/>.

[3] Kudryashov V.V. "Soft law" as a method of regulating international financial relations in the foreign doctrine of international financial law//Moscow Journal of International Law. – 2013. - S. 70-89.

[4] Lukashuk I.I. International Law. General part: textbook for universities. - M.: Wolters Kluwer, 2005. - 432 s.

[5] International economic law: study guide/ ed. A.N. Vylegzhanina. - M.: Knorus, 2021. - 272 p.

- [6] Petrova G.V. International financial law: a textbook for universities/G.V. Petrova. - M.: Yurayt, 2025. - 319 p.
- [7] Forecasts of the development of international economic law and international law and order in the 21st century: monograph/ed. V.M. Shumilova. - M.: VAVT, 2026. - 163 s.
- [8] Statute of the International Court of Justice [Electronic Resource]. - Режим доступа: URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/statute-of-the-international-court-of-justice>.
- [9] Shumilov V.M. International law: textbook. - M.: Justice, 2026. - 528 с.
- [10] Shumilov V.M. International economic law: textbook/under the general. ed. V.M. Shumilova. - M.: Justice, 2021. - 582 с.
- [11] Aust A. Handbook of International Law. - Cambridge: Cambridge University Press, 2010. - 592 pp.
- [12] Choukroune L., Nedumpara J.J. International Economic Law. Text, Cases and Materials. - Cambridge: Cambridge University Press, 2021. - 846 pp.
- [13] Chaisse J., Lin T. International Economic Law and Governance. Essays in Honour of Mitsuo Matsushita. - Oxford: Oxford University Press, 2016. - 624 pp.
- [14] Emeziem C. Soft International Economic Law: A New Sovereign? // University of Bologna Law Review. - 2025. - Vol. 10. - №1. - P. 35-92.
- [15] Klabbbers J. International Law. - Cambridge: Cambridge University Press, 2021. - 412 pp.
- [16] Lifshits I., Ponamorenko V. International Financial Standards in the Global Legal Order and in EU and EAEU Law // Russian Law Journal. - 2020. - Vol. 8. - № 1. - P. 4-31.
- [17] Shaw M.N. International Law. - Cambridge: Cambridge University Press, 2021. - 1308 pp.
- [18] Zaring D. Legal Obligation in International Law and International Finance // Cornell International Law Journal. - 2015. - Vol. 48. - № 1. - P. 175-217.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru